

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К СТРАТЕГИЧЕСКОМУ ПЛАНИРОВАНИЮ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ СИСТЕМ

В.Н. ЛАЗЖЕНЦЕВ

*Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера
Коми НЦ УрО РАН, г. Сыктывкар
vnlazhentsev@iespn.komisc.ru*

Геосистемный подход к изучению природы и общества представлен как научная основа управления устойчивым развитием. Показаны географические, экономические и организационные аспекты стратегического планирования развития территориально-хозяйственных систем. Приведены примеры критической оценки устойчивого развития Двино-Печорского региона.

Ключевые слова: идеальные и реальные территориально-хозяйственные системы, динамическая стабильность и устойчивое развитие, схема стратегического планирования

V.N. LAZHENTSEV. THE METHODOLOGICAL APPROACHES TO THE STRATEGIC PLANNING OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE TERRITORIAL ECONOMIC SYSTEMS

Geosystemic approach to studying nature and society is represented as a scientific basis of management by sustainable development. The geographical, economic and organizational aspects of strategic planning development of territorial-economic systems are shown. The examples of the critical evaluation of sustainable development of the Dvina-Pechora region are given.

Key words: the ideal and the real territorial economic systems, dynamic stability and sustainable development, scheme of strategic planning

Понятие «устойчивое развитие» не имеет однозначной трактовки. Различия, прежде всего, наблюдаются в широте охвата изучаемых процессов и явлений: от сбалансированного в пространстве и времени природопользования до сопряжения всех наиболее существенных аспектов жизнедеятельности (материальных и духовных). Изначально (примерно начало 1970 г.) устойчивость рассматривалась под углом зрения необходимости сохранения ресурсовоспроизводящих и средовоспроизводящих функций геосистем. Сохранению подлежала способность природных комплексов устоять от испытаний внешних воздействий и не потерять свое социально-экономическое предназначение. При этом признавалась некая неопределенность понятия «устойчивость» для регионов, состоящих из принципиально разнородных и разнокачественных территорий. Было зафиксировано важное теоретическое положение: устойчивость противоположна стабильности; первое – свойство динамически развивающейся; второе – свойство пассивной системы [1].

В настоящее время понятие «устойчивость» существенно расширено и рассматривается, как правило, в рамках коэволюционного развития при-

роды и общества. Важнейшими принципами такого развития считаются сохранение высокого качества окружающей среды, экономическое развитие в рамках ограниченных ресурсов, решение социальных проблем, обеспечение международной безопасности. Основная цель – благосостояние населения и создание благоприятных условий его жизни; основные механизмы достижения цели – совершенствование экономического нормирования и стимулирования, усиление стратегического планирования, административного регулирования и местного самоуправления [2].

Благополучие современного и будущих поколений людей – основной ориентир устойчивого развития. Он (ориентир) предопределяет методы оценки эффективности функционирования материально-технической базы производства, состояния здоровья, обеспеченности чистым воздухом и чистой водой, уровней достижения гармоничных социальных отношений, безопасности и свободы выбора действий при общепринятых нормах нравственности и морали. Представление людей о благополучии динамично, а потому и устойчивое развитие предполагает движение к новому технико-экономи-

ческому укладу общества и новому социально-экологическому порядку [3].

Обозначенный круг вопросов вновь рассмотрен 20–22 июня 2012 г. в Рио-де-Жанейро на Конференции по устойчивому развитию «Рио+20». Спустя 40 лет после Конференции по окружающей среде для человека (Стокгольм, 1972) и 20 лет после саммита в Рио-де-Жанейро в 1992 г. сделана попытка оценить достигнутый прогресс в создании Мира, основанного на принципах сбалансированного развития. Лозунг «Рио+20» – «Жизненная планета жизнеспособных людей: будущее, которое мы выбираем». В данной статье нами сделана попытка усилить региональный и локальный аспекты данной проблемы и показать стратегическую линию движения к идеалу устойчивости, спроектированному в рамках региональных стандартов социального и экологического благополучия.

Планирование (проектирование) устойчивого развития конструктивно не столько предсказанием будущего, сколько выстраиванием цепочки логических умозаключений по поводу прогресса и возникающих на его пути проблем. Как заметил В.С.Преображенский, «устойчивость» не имманентное научное понятие, а понятие, отражающее рефлексию науки на определенную житейскую ситуацию [1, с.4]. Посылкой к такой рефлексии является стремление социальных систем улучшить свои свойства и качества. Это соответствует представлениям об организации прогнозирования территориально-хозяйственного развития на основе сопряженности и сбалансированности технологических, экономических, социальных, экологических и информационных характеристик хозяйства и соблюдения определенной последовательности процедур прогнозирования [4,5]. Попытаемся также ответить на вопрос: что означает сочетание географического и экономического подходов к изучению и планированию устойчивого развития?

Географические аспекты

Первостепенное значение в географии имеет пространственный масштаб взаимодействия природы и общества, когда однопорядковая таксономия разнокачественных систем служит предпосылкой их согласованного существования. Физическая география и социально-экономическая география имеют собственные таксономические объекты, однако их сопряженное ранжирование позволяет усилить целенаправленность территориального планирования на взаимосвязь природы, населения и хозяйства. Вместе с тем, нельзя не признать правомерным постулат системного анализа, что между частями целого не существует жесткой детерминации.

Один из основоположников учения о геосистемах академик В.Б.Сочава, ссылаясь на Н.Винера, развил мысль о том, что «связи внутри организации не должны быть абсолютно устойчивыми, т.е. строгая определенность одних частей не должна служить препятствием изменению других, с которыми они образуют единую конструкцию» [6, с.29]. Степень свободы природных и общественных геосистем пред-

определяется их внутренними закономерностями развития; взаимоувязка же строится на учете глубины проникновения природного в социальное.

В.Б.Сочава различал геосистемы планетарной, региональной и топологической размерности. Основная единица первой – физико-географическая область (~2 млн. км²), второй – физико-географическая провинция (~60 тыс. км²), третьей – макрогеохора, округ (~7 тыс. км²); их вертикальная мощность – от нескольких десятков метров на топуравне до 8-17 км на уровне планетарных геосистем. Ученый особое внимание обращал на то, что размерность определяет очень многие свойства геосистем, например, «метаболизм фации (топогеосистема – В.Л.) глубоко отличен от регионального круговорота материи и энергии, а тем более от обмена в планетарном масштабе...» [6, с.31]. Размерность общественных геосистем также тесно связана с их ролью в организации социально-экономического пространства. Гипотетически можно представить макроуровень в виде опорного (крупного) социально-экономического района (~280–300 тыс.км²), мезоуровень – экономического подрайона (~30–35 тыс.км²) и микроуровень – локальной хозяйственной системы (~ от 80 до 8 тыс. км²).

Взаимоувязка природных и общественных систем примерно одинаковой размерности методологически вполне правомерна. Наш опыт сравнения количественных измерений физико-географических провинций с характеристиками хозяйства показал возможность и полезность расчетов природных и природно-ресурсных потенциалов, их ввода в оценку условий экономической деятельности. Установлено, что определенному иерархическому уровню интегрального районирования соответствуют масштаб операционных единиц природопользования и ранг распорядительных центров [5, с.48–54].

Вопросы размерности социально-экономических районов с пониманием специфики общественного воспроизводства на каждом их иерархическом уровне были в поле зрения известных представителей экономической географии. Так, Н.Н.Колосовский, совмещая понятие «производительные силы общества» с масштабом территории, разработал модели энерго-производственных циклов и производственно-территориальных сочетаний в виде основы крупных экономических районов [7, с.88–121]. Б.Н.Зимин применительно к малым развитым странам Западной Европы экономический район рассчитал как «региональный стандарт» с определенной площадью, численностью населения, валовым внутренним продуктом и иерархией поселений [8]. Укажем на авторскую работу, где дана характеристика «идеального образа» основного социально-экономического района [9]. В ней показано, что территориально-хозяйственная система обладает высокой степенью устойчивости, если она является самодостаточной для формирования производительных сил и гармоничного пространственного согласования природно-ресурсной, социальной, расселенческой, производственной, инфраструктурной и организационно-управленческой подсистем. Про-

гнозируется состояние, при котором перечисленные подсистемы и их структурные подразделения приведены в соответствие друг с другом; устойчивость на одном уровне, например, макроэкономическом, достигается без ущерба другому уровню, например, локальному.

Выделены пять уровней комплексов:

- место, семья, дом, домохозяйство, участок, домовладение;
- местность, община, село (микрорайон), предприятие, блок, сход, территориальная общность людей;
- физико-географический округ, поселок (куст расселения), узел, перегон (магистраль), муниципалитет;
- физико-географическая провинция, население низового района, малый и средний город, село-райцентр, территориальный комплекс, сеть коммуникаций, низовое звено государственной власти;
- физико-географическая область, народонаселение, большой город (агломерация, мегаполис, область расселения), экономический район, каркас, региональное правительство.

Подчеркнуты те структурные подразделения, которые в настоящее время являются основными единицами учета и планирования; их экономическое и социальное значение во многом определяется именно размерностью соответствующих геосистем. Так, среди экономических агентов ключевыми являются домохозяйства, через них проходит 63-65% ВВП, производимого в нашей стране; в Москве – 45-47%, Республике Коми – 55-57, Краснодарском крае – 92-94%. Экономико-географические аспекты домохозяйств связаны с ландшафтным проектированием, функциональным зонированием земель, развитием дачного и коттеджного строительства, организацией подсобного (приусадебного) хозяйства. Включение перечисленного в общую схему стратегического планирования приобретает все большую актуальность именно с точки зрения устойчивого развития. Вполне понятна экономическая роль предприятий, но необходимо конструктивно оценить и их экологическую функцию. Зона влияния на природу некоторых средних и крупных предприятий измеряется сотнями квадратных километров и становится еще более значительной, если речь идет о промышленных узлах до 8-10 тыс.км².

Специфические экологические характеристики имеют поселения. Особенно необходимо правильно оценивать взаимосвязь природы и хозяйства в больших городах и агломерациях. Рост и снижение агломерационных эффектов обусловлены, в основном, динамикой затрат на охрану и создание городских и пригородных природных комплексов.

Анализ географических аспектов организации общества, выполняемый профессиональными исследовательскими коллективами, показывает, что характерное для настоящего времени усиление социальных аспектов тематики устойчивого развития (бедность, социальная стратификация, малограмотность и т.п.) не должно приводить к отрыву от проблем природопользования. Это тем более

важно, когда взаимосвязь природных и технологических факторов социально-экономического развития все еще не приобрела нормативного (количественного) измерения, например, в части ассимиляционного потенциала природных объектов и способности их к саморегулированию.

Требуется научное объяснение процессу встречного движения стабильности и устойчивости: в физической географии «стабилизирующая динамика – один из существенных логических критериев учения о геосистемах» [6, с.33], в экономической – на первом месте стоит не стабилизация, а динамика преобразования, перехода из одного качества в другое, что и считается устойчивым развитием. Одно дело – преобразования в хозяйственных укладах, другое – в природе. Множество примеров нерационального природопользования, как раз подтверждают неразумный отход от правила совмещения устойчивости в социальной сфере со стабилизирующей динамикой в сфере природы.

Теоретическая география имеет дело с идеальными образами природных и общественных пространственных систем, прикладная – с реальными. В первом случае проблематика устойчивого развития опирается на учения о биогеоценозах, природно-ресурсных циклах, экономических ландшафтах, линейно-узловых системах, стандартных районах и др. Во втором – на физико-географическое и социально-экономическое районирование, проектирование природно-инженерных и территориально-производственных комплексов, землеустройство, генпланы городов и районов и т.д. Нами показано, что обоснование устойчивого развития общественных геосистем целесообразно рассматривать под углом зрения практической реализации таких географических концепций, как «функция места» [10], «центр-периферия» [11], «периферийные сообщества и сети» [12, 13], «этапность и волновое освоение территории» [14,15]. Они ориентируют на:

- учет природных и исторически приобретенных функций мест (участков земли), изменять которые, как правило, нецелесообразно или весьма дорого;
- понимание стадийности пространственного развития, региональных особенностей генерации и распространения нововведений;
- совмещение экономической эффективности, социальной справедливости и экологической защищенности;
- приобщение отстающих территорий к передовым за счет формирования сетевых структур социальных услуг;
- сочетание стационарных и мобильных форм организации труда, в том числе в связке «город-село» и другие принципы территориального развития.

Экономические аспекты

Концептуальные положения устойчивого развития являются (вернее сказать, должны быть) неотъемлемой частью теории общественного воспроизводства с охватом как социально-экономических,

так и природных составляющих. Это вытекает из современной трактовки хозяйства как природно-социально-технической мегасистемы. Все более практический характер приобретает положение, что стоимость национального и даже мирового товарооборота в конечном счете определяется совокупностью потребностей людей, включая и потребность в приемлемой для жизни окружающей среде. Стоимость даже единичного товара не собирается из частей (отдельных видов затрат), как кажется на первый взгляд, исходя из бухгалтерской калькуляции, она изначально образуется на рынке как целое, которое затем раскладывается на части, в том числе и на охрану природы и воспроизводство ее ресурсов.

Природные ресурсы должны оцениваться на государственном уровне как национальное богатство и входить в систему национальных счетов, на уровне предприятия – как основной фонд, подлежащий амортизации. Только научнообоснованные нормы амортизации материально-технической и природно-ресурсной баз позволят сформировать достаточный для расширенного воспроизводства инвестиционный фонд.

Устойчивость развития природных и общественных геосистем во многом зависит от соответствия финансово-экономических пропорций технологическим, социальным и экологическим параметрам хозяйственной деятельности. На практике этот теоретический принцип зачастую нарушается, а потому нерегулируемая рыночная экономика, особенно спекулятивная, становится тормозом научно-технического прогресса. Примером тому служит ценовой диспаритет, который наносит огромный ущерб сельскому хозяйству¹ и значительный – топливно-энергетическому комплексу², а также продовольственному обеспечению населения³.

Критический анализ экономических аспектов устойчивого развития вновь побуждает к систематизации хозяйственных механизмов. Наша позиция заключается в том, что механизм хозяйства последовательно включает в себя механизмы хозяйство-

вания и управления хозяйством. Такая последовательность на первое место ставит анализ источников и движущих сил развития общества и его территориальных систем, в том числе географическое разделение труда, местные интересы и потребности; на второе – хозяйственные отношения, в том числе по поводу региональной (субфедеральной, муниципальной и муниципальной) собственности; и только потом, с учетом результатов анализа двух указанных видов механизмов, следует рассматривать регламенты, структуры и стандарты управления с выходом на законодотворчество, нормирование и экономическое стимулирование [17, с.28-57]. В механизме устойчивости природных геосистем главным является сопряжение различных сил природы [18]; общественных – согласование интересов различных социальных слоев населения. В организации природопользования приходится учитывать оба основания, природное и социальное.

Таким образом, решение проблем устойчивого развития в значительной мере связано с преодолением экономического детерминизма, имманентного рыночным отношениям. Трудно определить, можно ли это сделать на основе геосистемного подхода к пространственной организации хозяйства, но движение в данном направлении предопределено угрозами экологических катаклизмов, а потому необходимо. Надо принимать, как должное, разнообразие миропорядка, где экономические показатели не всегда играют решающую роль. Здесь уместно вспомнить идеи параллельной экономики, которые развивал в конце 1980-х гг. академик С.С.Шаталин, эксплоярной экономики, лежащей за рамками плановых и рыночных систем (идеи Т.Шанина), а также принять во внимание позиции академиков О.Т.Богомолова, Б.Н.Кузьма, член-корр. РАН Б.Н.Порфирьева и многих обществоведов, освещающих неэкономические грани экономики [19].

Автору представляется, что устойчивое развитие северной периферии и особенно глубинных территорий (российской глубинки) связано именно с такого рода идеями. Они служат предпосылкой для правильного определения границ объектов учета, оценки и планирования устойчивого развития, исходя из решающей роли природных геосистем. Ошибочно ограничивать охрану окружающей среды ареалами хозяйственной деятельности, не принимая во внимание экологические функции неосвоенных территорий. Так, в Республике Коми экономически активными являются 47% ее территории, но она (территория) полностью (на 100%) является экологически значимой.

Существующий экономический строй не удовлетворяет условиям устойчивого развития, в первую очередь, по экологическим параметрам. Во всяком случае ясно, что многие проблемы геосистемной организации природы, населения и хозяйства сейчас приходится адресовать маломощным в финансовом отношении субъектам хозяйствования, а это зачастую предопределяет тупиковый характер их рассмотрения.

¹ В 2008 г. разработана Концепция устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период 2020 г. Ее исходная позиция – неудовлетворительное состояние сельских социумов, нарушение не только экономики (из-за диспаритета цен), но и недопустимое отстранение от экологической, рекреационной, этнокультурной и духовной функций сельских мест, низкий уровень жизни в селах и деревнях, где в среднем на члена домохозяйства приходится 55–58% от аналогичного показателя по городским домохозяйствам [16].

² Отклонение рыночных цен на отдельные виды энергоносителей от их реальной стоимости бывает столь существенным, что продавать, например, сырую нефть становится выгоднее, чем мазут; использовать газ в электроэнергетике стало дешевле, чем уголь, а это значительно сдерживает развитие газохимии.

³ Ценовой фактор на рынке продовольствия – не единственная угроза продовольственной безопасности. Нарушение биологического и энергетического обмена в сельскохозяйственных угодьях снизило качество продовольствия до уровня крайне опасного для здоровья людей.

Организационные аспекты

Разработанные в Институте социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН методология территориального развития и соответствующие схемы, раскрывающие содержание основных технологических этапов программной деятельности [20], по нашему мнению, можно использовать в управлении устойчивым развитием. Однако предварительно необходимо общие формулировки содержания этапов проектирования систем [4] наполнить конкретным содержанием, критериями и показателями, относящимися именно к геосистемным взаимосвязям и ни к чему другому. В этой связи отметим, что пороговые значения устойчивости природных и общественных геосистем пока не имеют нормативно-количественного выражения. Поэтому управленческие решения в области природопользования в увязке с территориальной организацией хозяйства фиксируются в качестве пожеланий в чей-либо адрес. Так и автор может лишь пожелать научным, проектным и управленческим структурам придерживаться логики устойчивого развития, которая заключается в переходах от идеального образа геосистем к оценке их реального состояния и в приближении реального к идеальному, имеющему заранее заданные свойства и качества, а именно, динамическую стабильность природных комплексов и прогрессивные качественные преобразования в технологиях производства, социальных отношениях и в организации охраны окружающей среды. Но данная методология требует своего конструктивного оформления.

В настоящее время считается, что организационный аспект управления устойчивым развитием на региональном уровне нормативно обозначен в схемах территориального планирования. Выражена надежда на их практическую результативность [21], хотя следует признать, что практика решения задач общественной значимости в нашей стране имеет пока весьма пассивный характер. Неслучайно специалисты в области градостроительства и территориального развития находят много несоответствий между архитектурными, экономическими и правовыми решениями. В последнее время нет органа управления, который бы в полной мере использовал и развивал потенциал геоинформатики, картографии, районного и ландшафтного проектирования, географической экспертологии и ряда других составляющих управления устойчивым развитием.

Пример Двино-Печорского региона

Этот пример необходим для иллюстрации проблем устойчивого развития, возникающих в границах макроэкономических систем. Пример в определенной мере уникален. Дело в том, что на Севере и в Арктике территориально-хозяйственные системы не достигают верхнего уровня – стандартного социально-экономического района. Исключение составляет Двино-Печорский регион (Республика Коми, Архангельская и Вологодская области). Напомним, что весь набор структурных элементов хозяйства стандартного района вмещается на площади

примерно 300 тыс.км² с населением 4–6 млн.чел. Двино-Печорский регион имеет площадь 1151,2 тыс.км², население 3,3 млн.чел. Отклонение от европейского стандарта в 3,5 раза по территории и 1,2 раза по населению для условий российского Севера вполне приемлемо⁴, а потому Двино-Печорский регион, действительно, можно считать почти сложившимся крупным экономическим районом.

В формировании свойств и качеств его геосистемности особую роль играют реки. Печора, Северная Двина, Мезень, Онега имеют как бы единый бассейн, лишь слегка разделенный водоразделами. Именно реки исторически предопределяли конфигурацию расселения населения, арктический вектор хозяйственного освоения территории; они и в настоящее время формируют основные параметры охраны окружающей среды. В этой связи нельзя не обратить внимание на существующий ныне «гидрографический» беспорядок: отсутствие речных мелиораций, дноуглубительных работ, обустройства берегов, значительное ухудшение режима водотоков. Более разрушительными стали половодья, увеличилось число миандр и затонов, «затянуло» фарватер, возникли непроходимые судами с 50–80 см погружением барьеры в устьях притоков (рек второго и третьего порядков). Все это снизило уровень и качество жизни большого числа людей, которые ранее считали свою деятельность именно как речную. Весенне-летний завоз «в глубинку» стал возможен только на маломерных судах, поэтому его цена возросла в 1,5-2 раза. Без надежного речного транспорта стала весьма проблематичной организация туризма.

Нарастает тревога относительно сохранения и воспроизводства северотаежных (бореальных) лесов – совокупности лесоболотных геосистем, играющих основную роль в процессах водосбора и регуляции режима рек. В лесном хозяйстве первостепенными становятся задачи снятия угроз, связанных с нежелательной сменой лесобразующих пород и усыханием еловых насаждений; в сельском хозяйстве – утратой сельхозугодий и плодородия почв; в оленеводстве – сокращением биомассы мхов и лишайников как кормовой базы; в добывающей промышленности – истощительным использованием минерально-сырьевых и топливно-энергетических ресурсов и отставанием в деле их комплексного использования на основе инновационных технологий.

Пример Двино-Печорского региона показывает также необходимость научного объяснения значения в устойчивом развитии «глубинки»⁵. Удален-

⁴ Северное градостроительство ориентировано на радиус доступности локального центра 100–140 км, базового – 200–250 км, опорного – 700–800 км [22]. Следовательно, площадь тяготения опорного центра составляет здесь 2 млн.км² с населением от 1,5 до 3 млн.чел. Такое пространство имеет весьма низкую плотность экономической и социальной деятельности и не может претендовать на статус района.

⁵ Под «глубинкой» автор понимает территорию, экономически удаленную от городских поселений (или агломераций) людностью 100 и более тыс.чел. в расчете: время в

ные от развитых центров территории имеют как экологические, так и производственные функции, но их сочетание в разных местах весьма различается. При этом надо признать отсутствие какой-либо ущербности территорий, играющих роль «экологического буфера». Но эта роль должна получить надлежащую экономическую оценку и соответствующую организацию природоохранной деятельности, иначе люди в «глубинке» обречены на бедность.

Проекция геосистемного подхода на Двино-Печорский регион дает новые ориентиры относительно его устойчивого развития дополнительно к тем, которые автор уже показал [24]. Планетарная размерность геосистем здесь представлена Русской равниной и Уралом. Экологические проблемы первой «охватывают» в равной мере Архангельскую, Вологодскую и Коми территории. Региональная размерность представлена физико-географическими провинциями, многие из которых пересекают административно-территориальные границы. Неслучайно, имеющие большое народнохозяйственное значение проекты устойчивого территориального развития (например, [25,26]) являются трансграничными. Такого рода геосистемность усиливает экономические основания межрегиональной интеграции экологической необходимостью.

Заключение

Третья конференция ООН по устойчивому развитию, Рио-де-Жанейро, 2012 (Рио+20) очертила круг глобальных проблем, связанных с неудовлетворительным состоянием энергетики, сельского хозяйства и уровня жизни большинства жителей планеты. Призыв к действиям адресован в основном к правительствам развитых стран, в том числе России, и транснациональным компаниям. Решения конференции имеют политический характер. Вместе с тем, понятие устойчивости, как рефлексии на трудные жизненные ситуации, в значительной мере сопряжено с проблемами регионального и локального уровней.

Теоретически, в виде идеальных систем, можно обозначить пять таких уровней: 1) место – домохозяйство – домовладение; 2) местность – предприятие – сход (община); 3) округ – поселок (село) – муниципалитет; 4) провинция – город (се-

пути до такого центра наземным видом транспорта – 2 и более часа и/или стоимость проезда общественным транспортом составляет дневной (и более) прожиточный минимум, установленный для данного места жительства. Если в Республике Коми отсчет экономической удаленности вести от г.Сыктывкара и Ухта-Сосногорской городской агломерации, то получится, что в «глубинке» проживает около 60% населения; в случае включения в понятие «центр» Воркутинской агломерации – чуть менее 50%. Первая цифра более точна, поскольку население Воркуты в последние годы резко сокращается и в скором времени будет меньше 100 тыс.чел.

Е.Е.Лейзерович под «глубинкой» понимает сельскую периферию. Из 463 экономических микрорайонов России 118 приходится на этот тип. Ниже его по рангу поставлены «медвежий угол» – 50 единиц; 5,5 млн.км²; 0,8 % населения страны. Их нет только в Северо-Западном и Центрально-Черноземном экономическом районах [23, с.137–139].

ло-райцентр) – низовое звено государственной власти; 5) область – большой город (агломерация) – региональное правительство. Каждый из них представляет общественную геосистему, соотносящуюся с природными геосистемами. Специфика геосистем разной размерности и их взаимосвязь предопределяет характер действий по поводу устойчивого развития.

Географы объясняют естественноисторический путь формирования и развития геосистем, «переводят» их свойства и качества в показатели стратегического территориального планирования. Желаемого состояния геосистем можно достичь, если преодолеть экономический детерминизм, а саму экономику привести в соответствие с технологическими, социальными и экологическими параметрами хозяйства. Взаимосвязь географии и экономики – обязательное условие планирования устойчивого развития. Но остается открытым вопрос – можно ли из множества показателей выбрать (или сформировать) те, которые действительно отражают предметную сущность «устойчивости» и «стабильности».

Изучение проблем устойчивого развития на региональном уровне предполагает, что они (проблемы) могут быть решены не только в рамках официально оформленных, но и не имеющих административного статуса регионов. Пример Двино-Печорского региона указывает на актуальность поиска таких возможностей. Интеграция Республики Коми, Архангельской и Вологодской областей необходима, прежде всего, для предотвращения угроз неустойчивости речного и лесного хозяйства.

Работа выполнена в рамках Программы РАН «Роль пространства в модернизации России: природный и социально-экономический потенциалы» и частично – Программы УрО РАН «Инструменты и механизмы реализации социально-экономической политики северных территорий».

Литература

1. *Устойчивость* геосистем. М.:Наука,1983. 89 с.
2. *Переход к устойчивому развитию*, глобальный, региональный и локальный уровни. За рубежом опыт и проблемы России. М.: Изд-во КМК, 2002. 444 с.
3. *Природопользование и устойчивое развитие*. Мировые экосистемы и проблемы России. М.: Изд-во КМК, 2006. 448 с.
4. *Дмитриева Т.Е., Лаженцев В.Н.* Организация прогнозирования территориального развития// Экономика региона. 2010. № 4. С.156–164.
5. *Лаженцев В.Н.* Опыт комплексного исследования проблем территориального развития. Сыктывкар, 2003. 192 с. (Коми научный центр УрО РАН).
6. *Сочава В.Б.* Введение в учение о геосистемах. Новосибирск: Наука, 1978. 319 с.
7. *Колосовский Н.Н.* Избранные труды. Смоленск: Ойкумена, 2006. 336 с.
8. *Зимин В.Н.* Малые высокоразвитые страны Западной Европы – теоретические итоги исследования// Изв. РАН. 1993. № 2. С.95–104.

9. *Лажнецов В.Н.* Взаимосвязь теории и практики (пример методологии экономико-географического исследования) // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2010. № 3. С.99–105.
10. *Мици А.А., Преображенский В.С.* Функция места и ее изменение// Известия АН СССР. Сер.географ. 1970. № 6. С.118–131.
11. *Грицай О.В., Иоффе Г.В., Трейвиш А.И.* Центр и периферия в региональном развитии. М.: Наука, 1991. 168 с.
12. *Пилясов А.Н.* И последние станут первыми: Северная периферия на пути к экономике знания. М.: Кн. Дом «ЛИБРКОМ», 2009. 544 с.
13. *Дмитриева Т.Е.* Территориальная организация северного региона: масштабы периферии// Север: проблемы периферийных территорий/ Отв. ред. В.Н.Лажнецов. Сыктывкар, 2007. 420 с. (Научный совет РАН по вопросам регионального развития; Коми научный центр УрО РАН).
14. *Космачев К.П.* Пионерное освоение тайги (экономико-географические проблемы). Новосибирск: Наука, 1974. 144 с.
15. *Мосунов В.П., Никульников Ю.С., Сысов А.А.* Территориальные структуры районов нового освоения. Новосибирск: Наука, 1990. 132 с.
16. *Лажнецов В.Н., Терентьев В.В.* Проблемы и приоритеты социальной политики устойчивого развития сельских территорий (на примере Республики Коми)// Экономика региона. 2011. № 4. С.213–223.
17. *Лажнецов В.Н.* Территориальное развитие: методология и опыт регулирования. СПб.: Наука, 1996. 109 с.
18. *Арманд А.Д.* Механизмы устойчивости геосистем. М.: Наука, 1992. 208 с.
19. *Неэкономические* грани экономики: непознанное взаимовлияние. Научные и публицистические заметки обществоведов/ Рук. междисципл. проекта и науч. ред. О.Г.Богомолов; зам.рук. междисципл. проекта Б.Н.Кузык. М.: Институт экономических стратегий, 2010. 800 с.
20. *Лажнецов В.Н.* Коми научный центр УрО РАН: 60 лет социально-экономическим и энергетическим исследованиям// Вестник РАН. 2009. Т.79. № 12. С.1107–1112.
21. *Территориальное* планирование. Новые функции, опыт, проблемы, решения: сб.ст./ Под ред. А.И. Чистобаева. СПб.: СПбГУ, 2009. 189 с.
22. *Северный город* / Л.К.Панов, В.И. Смирнов, Т.М. Брагина и др.; Науч. ред. Л.А.Тимофеев. Л.: Стройиздат, 1984. 168 с.
23. *Лейзерович Е.Е.* Калейдоскоп малых районов (экономических микрорайонов) России// Современные проблемы общественной географии / Под ред. С.С.Артоболевского и Л.М.Синцера. М., 2011. С.130–141.
24. *Лажнецов В.Н.* Север (Двино-Печорский регион) – коренная земля россиян, источник ресурсов и знаний// Россия и ее регионы: интеграционный потенциал, риски, пути перехода к устойчивому развитию. М.: Товарищество научных изданий КМ, 2012. С.256–281.
25. *Устойчивое* оленеводство. Ионни-Леон Л. Йернслеттен, рук. проекта. Унив. Тромсё; Константин Клоков, рос. координатор проекта. СПб госуниверситет; Арктический совет 2000–2002. СПб.: Моб«Дик», 2002.
26. *Устойчивое* развитие Печорского региона в изменяющихся условиях природы и общества / Под ред. П.Кури, В.Пономарева и Й.О.Хаббека. Сыктывкар: Институт биологии Коми НЦ УрО РАН, 2005. 74 с.

Статья поступила в редакцию 09.07.2012.